

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П.
АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Выпускающая кафедра современного русского языка и методики

Краюшкина Анастасия Александровна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**Речевой портрет лирического героя в стихотворениях Веры
Полозковой (материалы элективного курса)**

Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование
Направленность (профиль) образовательной программы
Русский язык

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

заведующий кафедрой
канд. филол. наук, доцент Бебриш Н. Н.

(дата, подпись)

Руководитель
старший преподаватель Шестернина Е.Г.

(дата, подпись)

Обучающийся: Краюшкина А.А.

(дата, подпись)

Оценка _____
(прописью)

Красноярск
2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Теоретические аспекты описание речевого портрета личности..	5
1.1. Смысловой анализ ключевых понятий: «языковая личность», «языковой портрет», «речевой портрет».....	5
1.2. Структура речевого портрета.....	14
Глава 2. Описание речевого портрета лирического героя в стихотворениях Веры Полозковой.....	25
2.1. Вера Полозкова как современная поэтесса.....	25
2.2. Речевой портрет лирического героя Веры Полозковой.....	27
3. Методическая разработка элективного курса «Речевой портрет».....	43
3.1. Программа элективного курса.....	43
3.2. Описание опыта внедрения программы.....	44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	46
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	48
Приложение (конспект занятия по составлению речевого портрета).....	56

ВВЕДЕНИЕ

Данная выпускная квалификационная работа посвящена теме речевого портрета. Речевой портрет – комплексное понятие, характеризующееся различными особенностями на нескольких уровнях языка.

Актуальность анализа речевого портрета обусловлена тем фактом, что в современном языковом пространстве используется много различных средств создания речевого портрета в тексте.

Цель данной работы – рассмотреть историю изучения речевого портрета и показать его особенности на конкретных примерах. Для анализа речевого портрета необходимо рассмотреть несколько его аспектов:

1. Понятие языковой личности и речевого портрета в работах современных ученых;
2. Речевой портрет с точки зрения стилистических средств;
3. Средства создания речевого портрета в художественной литературе.

Выбранная цель подразумевает постановку ряда конкретных **задач**, в частности:

- 1) Анализ истории изучения речевого портрета литературного персонажа;
- 2) Рассмотрение структуры речевого портрета;
- 3) Исследование конкретных примеров, отрывков из текстов произведений Веры Полозковой, в которых проявляют себя черты речевого портрета.

Материалом для данной работы послужили лингвистические характеристики речевого портрета лирического героя современной поэтессы Веры Полозковой.

Объект исследования – черты индивидуального стиля поэтессы.

Предмет исследования – используемые автором лексические единицы, характеризующие специфику речевого портрета.

Для исследования использован **метод** сплошной выборки примеров, их сравнительного контекстного анализа с выявлением черт, характеризующих конкретную языковую личность – героя-рассказчика.

Материал исследования – тексты стихотворений Веры Полозковой.

Структурно работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Первая глава посвящена описанию истории изучения языковой личности и речевого портрета, во второй главе проанализирован речевой портрет лирического героя Веры Полозковой, третья глава посвящена разработке материалов элективного курса по речевому портрету.

Глава 1. Теоретические аспекты описание речевого портрета личности

1.1. Смысловой анализ ключевых понятий: «языковая личность», «языковой портрет», «речевой портрет»

Понятие языковой личности в широкий научный обиход ввёл Ю.Н. Караулов, который считает, что языковая личность – это «человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты» [49, 10].

В работе Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» языковая личность рассматривается с точки зрения деятельности – личность вообще позиционируется как нечто стабильное в различных видах деятельности, в том числе и в речевой деятельности. Современный исследователь понятия языковой личности А.П. Седых рассматривает языковую личность на примере конкретных профессий, например, языковую личность музыкантов, политиков и пр.

Предпосылки изучения особенностей языковой личности намечены в книге «Курс общей лингвистики», созданной учениками Фердинанда де Соссюра на основании его лекций. Соссюр понимал язык как социальное явление: в его представлении язык социален, а речь индивидуальна, так как она аккумулирует все индивидуальное, неважное, характерное только для данного говорящего [72, 45].

«Таким образом, в истории языкознания можно наметить четыре парадигмы — «историческую», «психологическую», «системно-структурную», «социальную», из которых каждая последующая в крайнем своем выражении отрицала предыдущую, но которые в своей совокупности к настоящему моменту синтезировали современную научно-лингвистическую парадигму. Современные представления о языке как объекте языкознания покоятся на четырех «китах», на четырех фундаментальных его свойствах — исторически обусловленном характере развития, психической природе,

системно-структурных основах его устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления» [49, 14].

В дальнейшем, в лингвистике возникло так называемое структурное направление, которое Ю.Н. Караулов называет «бесчеловечным» - в том смысле, что из сферы изучения языкознания был исключен человек как личность, как тот, кто произносит реплики.

В то же время в истории лингвистики предпринимались многочисленные попытки включить личность человека в изучение языка: так, Ю.Н.Караулов цитирует М.В.Ломоносова, говорившего о различных свойствах языков, ссылается на И.Г.Гердера, В.Гумбольдта, А.Хомского. Все эти ученые с разных сторон рассматривали вопрос о языковой личности, не пользуясь данным термином, они говорили о человеке как о носителе языка, как о говорящем субъекте.

Новые направления в языкознании – в частности, психолингвистика, лингводидактика и другие области языкознания – усилили интерес к языковой личности и способствовали подъему изучения человека говорящего.

В.В. Виноградов пишет: «Специфика «языка» художественной литературы не может быть раскрыта во всей ее сложности только с помощью методов и приемов лингвистического изучения языковой системы или структуры» [18, 15]. Язык художественной литературы, по Виноградову, является одновременно и одним из воплощений общей системы национального языка, и системой средств художественного выражения. Поэтому история изучения языка художественной литературы соприкасается, с одной стороны, с историей общенародного языка, а с другой стороны, с анализом истории литературы как таковой, литературных течений и направлений.

Собственные проявления языковой личности на уровне примитивных диалогов – «как пройти», «где находится» - Ю.Н.Караулов называет вербальным уровнем проявления языковой личности: «Этот уровень

исследования языка — нулевой для личности и в известном смысле бессодержательный, хотя совершенно ясно, что он составляет необходимую предпосылку ее становления и функционирования» [49, 33].

Языковая личность начинается по ту сторону обыденного простого диалога, она возникает как совокупность общих представлений о мире, проявляемых в языке, - так называемой языковой картины мира.

Этот уровень Караулов называет лингво-когнитивным. Выше него есть еще один уровень, который связан уже с мотивацией личности, с ее деятельностью.

Таким образом, Ю.Н. Караулов считает, что в языковой личности выделяются три уровня:

- 1) вербальный;
- 2) когнитивный;
- 3) мотивационный [49, 37].

Все три уровня ее организации можно рассматривать в синхроническом и в диахроническом аспекте. Ю.Н. Караулов указывает на диахронический характер национального, ссылаясь на описания России различными иностранцами, посещавшими ее во времена Российской Империи. Более того, в самой языковой личности многое вариативно, - и те описания «истинно русских» людей, которые мы встречаем в художественной литературе, также во многом вариативны.

Чтобы понять, что представляет собой языковая личность в данный период времени, на каждом уровне ее существования необходимо рассмотреть определенные параметры:

- на нулевом уровне развития для реконструкции языковой личности необходимо рассмотреть данные о состоянии языка в данный период его развития;
- на первом уровне – когнитивном – понять языковую картину мира данного периода времени, изучить социальные особенности того коллектива,

в котором общался данный индивид;

- на втором уровне – мотивационном – понять более частную референтную группу, в которую входит данная языковая личность (например, какой мотивацией в своей речевой деятельности мог руководствоваться дворянин XIX века).

«Полное описание языковой личности в целях ее анализа или синтеза предполагает: а) характеристику семантико-структурного уровня ее организации (т.е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя); б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования); в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов. Уровни зависят один от другого, но эта зависимость далеко не прямая и не однозначная: знание об устройстве и особенностях функционирования вербально-семантического уровня данной личности, например, полный ее ассоциативный словарь, является необходимой предпосылкой, но еще не дает оснований делать заключение о языковой модели мира, т.е. от лексикона личности нельзя перейти непосредственно к ее тезаурусу; точно так же, коль скоро нам известен тезаурус личности, мы еще не можем делать выводов о мотивах и целях, управляющих ее текстами и пониманием текстов ее партнеров» [49, 39].

Таким образом, в рассмотрении языковой личности как национального явления остается вопрос, который требует дополнительного исследования: изучение языковой личности как национальной с разграничением национального и языкового.

Языковая личность близка к языковому портрету, однако следует

отметить, что языковой портрет в большей степени является сконструированным, сознательно созданным. Ближе всего к изучению языкового портрета стоит изучение идиолекта – языка одного отдельно взятого человека. Также изучение языкового портрета можно проводить на примере слов в используемых конструкциях, как это делается при изучении языка поэтов. Ю.Н. Караулов отмечает, что, несмотря на специфику лирической поэзии, изучения ее частотных единиц ближе всего к изучению языкового портрета.

В целом, есть два способа построения лексикона и грамматикона языковой личности/языкового портрета. Можно заставить данную личность производить тексты – например, с помощью лингвистического ассоциативного эксперимента – либо изучать те тексты, которые уже порождены данной личностью, - как это делают исследователи лирических поэтов.

Представление о лексиконе языковой личности может дать сопоставление используемых данной личностью языковых единиц с частотным словарем русского языка. Частое использование определенным человеком определенного слова свидетельствует о превалировании данного слова в его лексиконе, а исследование данного слова в совокупности с грамматическими конструкциями, в которых оно употребляется, позволяет сделать выводы о грамматиконе данной языковой личности.

Далее, распределение слов по семантическим полям дает представление о прагматиконе данной личности. Семантическое поле представляет собой условную структуру лексики с центральной и периферийной частью, разделяемыми как наиболее частотные и наименее частотные способы выражения данного понятия. Первые попытки систематизировать лексику в виде полевой структуры появились в работах М.М. Покровского, Йоста Трира и Вальтера Порцига. Поля М.М. Покровского напоминают ассоциативные связи Ф. де Соссюра – слова могут быть подобраны по принципу смыслового сходства, в силу общности морфологических

показателей или по тематическому принципу.

Концепция Йоста Трира противопоставлена школе «слов и вещей» конца XIX века, постулировавшей, что изучение слов и их истории необходимо проводить только в связи с определенными явлениями и объектами материального мира. Вальтер Порциг рассматривал идею семантического поля в связи с валентностью слова [16, 66].

Так или иначе, все слова, входящие в определенное семантическое поле, связаны тематически и функционально, что привело к формированию понятия «функционально-семантическое поле», впервые введенного лингвистом А.В. Бондарко. В его понимании поле не является исключительно лексической категорией: оно включает в себя как лексические, так и грамматические способы выражения того или иного понятия. К примеру, в функционально-семантическом поле «время» будут не только слова «вечер», «утро», «вчера», «завтра», но и грамматическое выражение категории времени глагола, причем оно будет центральным для данного поля. У функционально-семантического поля есть центр и периферия.

Объединение в семантические поля может осуществляться как по синтагматическому, так и по парадигматическому принципу: так, Вальтер Порциг предлагает объединить в рамках одного поля лексемы, связанные синтагматически, а в понимании А.В. Бондарко [21, 69] в одном поле скорее оказываются парадигматически связанные лексемы, между которыми в определенной ситуации порождения высказывания необходимо осуществить выбор.

Систематизация лексического уровня с помощью полей имеет определенные трудности. Прежде всего, одно и то же слово может входить в несколько полей.

Семантические поля частично пересекаются друг с другом, что отражает общую картину устройства лексического уровня языка: при рассмотрении самых крупных его единиц – функциональных стилей – они также

оказываются не замкнутыми, а частично пересекающимися друг друга. Так, если в морфологии или в фонетике единицы объединяются в закрытые множества (один и тот же элемент не может являться одновременно и корнем, и суффиксом, либо и ударным, и безударным), то в лексике все множества пересекающиеся и открытые за счет постоянного пополнения лексического фонда языка с помощью новых слов – как созданных, так и заимствованных.

Ю.Н. Караулов в своем анализе языковой личности выделяет семантические поля определенных персонажей, реконструируя их лексикон и рассматривая центры их мира: те слова, которые определенные литературные герои употребляют чаще всего, к которым они прибегают в разнообразных ситуациях. Так, анализ выявляет, что один из них крайне редко прибегает к использованию слова «душа», в то время как другой использует данное слово крайне часто, как бы «одушевляя» все вокруг себя.

В целом, проведенный Ю.Н. Карауловым подробный анализ персонажей показывает, что построение полей употребляемой ими лексики лежит не только в сфере выразительных средств, но и в сфере «бессознательного» создающего их писателя.

Носители одного и того же языка часто обвиняют друг друга в том, что они говорят неправильно, «не по-русски». Дети в изучении родного языка делают ошибки, которые надолго остаются в семье как «свои» слова, понятные лишь узкому кругу посвященных. Тем не менее, скорость усвоения ими родного языка поражает, что позволяет говорить об «общерусском языковом типе» [49, 138].

Этот общерусский языковой тип ярко проявляется и при сопоставлении речи иностранца, осваивающего русский язык, с речью русского, или же при восприятии иностранцем речи русскоговорящего человека. Например, Ю.Н. Караулов указывает, что ни один русский человек не перепутает слова мужского и женского рода (это может произойти со словами среднего рода, у которых отмечаются колебания в родовой принадлежности), а с иностранцем

это происходит достаточно часто. Для доказательства высказанной идеи ученым проанализированы отрывки из речи иностранцев, которую воспроизводят или имитируют русские писатели.

В целом, общерусский языковой тип имеет три аспекта:

- Системный;
- Эволюционный;
- Личностный.

Системный аспект включает в себя инварианты различных изменений – в том числе и фонетических вариантов, представленных в разных диалектах. В данном случае можно говорить не только об изоглоссах, отражающих одинаковые языковые явления, но и хроноглоссах, отражающих одинаковые языковые изменения. Хроноглоссы воплощают эволюционный аспект развития русского языкового типа.

В рамках жизни трех поколений язык остается неизменным в сознании носителя языка, а существующие варианты воспринимаются им как различные вариации нормы. Языковое сознание носителя языка само укрепляет используемые нормы, которые представляются ему привычными и ясными, что позволяет сохранять язык. Об этой антиномии консервативности и изменчивости языка писал еще Фердинанд де Соссюр.

Константу сознания носителя языка Ю.Н. Караулов называет психоглоссой, определяя данное явление как лексикализацию определенного факта. По всем трем уровням русской языковой личности проходит лексикализация, в лексике воплощаются наиболее очевидные и явные изменения языка, однако она же и является наиболее консервативным уровнем, позволяющим говорить о лексикализации и фиксации определенного факта в языке и в языковом сознании.

Наряду с изучением языковой личности и языкового портрета принято изучение и речевого портрета. По мнению С.В. Леорды, «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность» [61, 2], а проблема речевого

портрета является частным направлением исследования языковой личности. Е.В. Осетрова отмечает большую роль речевого портрета как составляющей облика говорящего в формировании целостного образа личности. Т.П. Тарасенко определяет понятие речевого портрета как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования» [81, 8]. Исследователь выделяет ряд характеристик личности, отражающихся в речевом портрете: возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические.

Если рассматривать проявление личности только как текст, многие непонимания и помехи в коммуникации будут необъяснимы. Однако рассмотрение текста как части более широкого понятия – дискурса – позволяет понять, почему носители разных языков неверно истолковывают слова друг друга.

Дискурс – это речевое общение в комплексе различных факторов. В частности, к структуре дискурса относится контекст и конситуация, предыдущие акты общения тех же двух коммуникантов, различные прецедентные феномены и общая апперцепционная база двух общающихся людей.

В дискурсе проявляет себя языковая личность. Типичные формы дискурса, сформированные в речевой практике данного общества, принято называть институциональным дискурсом. Это могут быть различные типовые ситуации общения, характерные для того или иного вида межличностного взаимодействия.

Не осведомленный о различных типах институционального, их различиях и сходствах, употреблении их в разных ситуациях человек не сможет адекватно перевести и понять адресованное ему высказывание, а также не справится с пониманием чужого диалога в литературе, кинематографе, массовой коммуникации.

Совокупность знаний о мире, свойственных носителю языка и

позволяющих ему понять другого носителя, Ю.Н. Караулов называет термином «вербально-семантическая сеть». Эта сеть позволяет коммуникантам адекватно оценить ситуацию, прореагировать на прозвучавшие слова, понять, что именно имелось в виду.

«Вербально-семантическая характеристика складывается из лексикона индивидуума – всего запаса слов и словосочетаний, которыми он пользуется в естественной вербальной коммуникации. При этом учитывается не только количество лексических единиц, но и умение правильно использовать вербальные средства в соответствии с нормами социальной дифференциации и вариативности, функционально-стилистической ценности. Индивидуальность этой характеристики определяется не только степенью владения этим умением, но и нарушением нормативных правил словообразования, грамматики и произношения» [11, 101].

Эта сеть связана с лингво-когнитивным представлением о мире – упорядоченности знаний и понятий, представлений и типовых ситуаций. Например, восприятие любого тропа детерминировано лингвистической картиной мира. Любой троп предполагает разрушение основного значения слова за счет возникновения дополнительного. Те семы, которые выступали на первый план при использовании слова в прямом значении, отходят на второй план, уступая место семам, важным для переносного. Например, использование слова «осел» в переносном смысле – «глупый, упрямый человек». Семы «серое копытное животное с большими ушами, используемое для перевозки грузов» отходят на второй план, тогда как на первый выступают вторичные признаки осла – «глупость», «упрямство». В то же время в языковой практике другого языка эти семы могут быть неактуальны, что снижает возможности перевода текста «слово в слово». Вот почему лексический вербализованный уровень является подчиненным по отношению к когнитивному.

1.2. Структура речевого портрета

Ю.Н. Караулов берет за основу выработанную им трехуровневую модель и предлагает на каждом из уровней рассматривать типовые языковые единицы, используемые для выражения, систему их взаимоотношений и типичные объединения данных средств.

Иными словами, если брать нулевой уровень – в разговоре используются типичные клише, словосочетания, которые Караулов называет паттернами: это слова и словосочетания, к которым мы часто прибегаем, чтобы обозначить ту или иную ситуацию.

Для когнитивного уровня такого типа единицами являются типовые ситуации и понятия. Единицы нулевого уровня в этом случае подчинены единицам первого уровня: в определенной ситуации выбираются определенные паттерны.

Единицами высшего, мотивационного, уровня являются коммуникативно-деятельностные потребности личности: стремление говорящего воздействовать на слушающего, его желание сказать или написать определенную информацию. Типовые отношения между говорящим и слушающим становятся основой коммуникаций в обществе и образуют своеобразную сеть коммуникаций.

Соединение всех трех уровней можно увидеть в использовании так называемого прецедентного феномена. Прецедентные феномены можно также разделить на прецедентные тексты – отсылку к какому-либо известному тексту, прецедентные ситуации – отсылку к некой пропозиции, сюжету, и прецедентные высказывания – отсылка к пословице, поговорке, известной цитате.

Далее Ю.Н. Караулов дает определение прецедентных феноменов: «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и

современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [49, 203].

Говоря о различных моделях языковой личности, нельзя не коснуться онтогенетической модели Г.И. Богина, в которой языковая личность рассматривается с точки зрения уровней владения языком: «Таких уровней выделяется пять: уровень правильности, предполагающий знание большого лексического запаса и основных строевых закономерностей языка и позволяющий тем самым строить высказывания и продуцировать тексты в соответствии с элементарными правилами данного языка; уровень интерноризации, включающий умения реализовать и воспринимать высказывания в соответствии с внутренним планом речевого поступка; уровень насыщенности, выделяемый с точки зрения отраженности в речи всего разнообразия, всего богатства выразительных средств языка в области фонетики, грамматики и лексики; уровень адекватного выбора, оцениваемый с точки зрения соответствия используемых в высказывании языковых средств в сфере общения, коммуникативной ситуации и ролям коммуникантов; уровень адекватного синтеза, учитывающий соответствие порожденного личностью текста всему комплексу [49, 69].

Пятиуровневая система в совокупности с уровнями языка (грамматика, фонетика, лексика) и видами речевой деятельности (говорение, слушание, чтение, письмо) составляет, как указывает Ю.Н. Караулов, трехмерную модель языковой личности: наличие трех измерений показывает, как в различных аспектах может проявлять себя языковая личность.

Из всех описанных моделей Ю.Н. Караулов предпочитает лингводидактическую – трехуровневую – модель, так как она наиболее компактна и понятна. С другой стороны, он признает ее недостатки: описание, сделанное с помощью этой модели, является «безликим», оно равно описывает как носителя родного, так и носителя неродного языка, как развивающуюся, так и уже застывшую в своем развитии личность.

Шкловский отделяет образы от тропов, схем и прочих приемов, чтобы

ярче продемонстрировать, что образ – это именно осмысление действительности: «Образ имеет разнообразные формы, связанные с движением познания мира. Образ – способ познания, а не простое отражение явления. Для получения образа недостаточно начистить стиль до зеркального блеска или резко и неожиданно соединить прежде несоединимые понятия.

Отметим, что воспоминание является не единственным способом создания образа героя. К другим средствам относятся:

- речевая характеристика, создаваемая с помощью различных лексических средств языка;
- характеристика, произносимая другими героями и персонажами данного произведения;
- различные действия героя.

В качестве источников речевой характеристики героя в теории литературы называются различные стилистические пласты языка. Основных источников 5: 1) «одним из таких источников является историческое прошлое, откуда берутся устаревшие, вышедшие из употребления слова – так называемые архаизмы» [12, 218]; 2) «весьма большое место в языке художественной литературы занимают диалектизмы. В широком смысле слова – это местные слова, т.е. слова, имеющие распространение на какой-нибудь территории. Это новый источник слов для писателя» [12, 220] - в качестве диалектизмов в таком широком смысле рассматриваются: а) «слова, имеющие ограниченное распространение, существующие в различных профессиях (профессионализмы), в тех или иных социальных группах и т.д. [12, 220]; б) провинциализмы – «местные слова, передающие особенности какого-нибудь областного говора или по содержанию, или по особенностям произношения» [12, 220]; в) «близко к провинциализмам стоят жаргонизмы. Жаргонизмы – слова жаргона (или арго, отсюда – *арготизм*), т.е. условного языка, употребляющегося в какой-нибудь области жизни» [12, 221]; 3) «еще

одним источником слов для писателя, помогающим ему в тех или иных случаях индивидуализировать описание или речь персонажа, являются варваризмы, т.е. слова иностранного происхождения, употребляющиеся обычно в газетах, в научной и технической литературе и т.д.» [12, 224]; 4) «иногда писателем вводятся и слова грубо-бытового характера, ругательства и т.п., так называемые вульгаризмы» [12, 225]; 5) «наконец, одним из источников, обогащающих язык писателя, являются неологизмы – новые слова, появляющиеся в языке» [12, 225]. Использование всех этих средств зависит от задачи, которую хотел бы выполнить автор: «Являясь, таким образом, индивидуальной формой выражения норм общенародного языка, язык художественного литературного произведения реализует эти общие нормы в зависимости от своих специфических мотивировок, в языке проявляется реальность художественного образа, отсюда и вытекает отбор выразительных средств языка, определяющий своеобразие художественно-литературного стиля» [12, 225].

Рассмотрение художественного образа в литературном произведении необходимо отделять от его языкового представления: приведенный Ю.Н. Карауловым пример из рассказов Ираклия Андроникова показывает, что образ отрицательного героя может положительно восприниматься из-за художественного описания.

С точки зрения языковой личности интересен один аспект изучения художественного образа: его речевая характеристика, те фразы, слова и конструкции, которые он использует.

Далее Ю.Н. Караулов подробно останавливается на изучении лексического уровня языка персонажа или реального человека, задаваясь вопросом: насколько важна лексика в структуре языковой личности? Как он справедливо замечает, лексикон определенного персонажа или определенного автора может являться лексиконом данного человека – и только. В этом состоит один из неразрешимых лингвистических и методических парадоксов: «Однако по поводу результатов такого достаточно

полного или даже исчерпывающе полного описания кажется естественным задать вопрос — с чем мы имеем дело в итоге, действительно ли с системой или же с конгломератом разносистемных, т.е. взаимодополняющих, а не взаимоисключающих, отношений? Аналогично складывается ситуация с описанием лексики языка и ее фиксацией в словарях: имеем ли мы основания предполагать, что на материале достаточно большого по объему дискурса одной индивидуальности мы в состоянии воссоздать лексическую картину соответствующей эпохи, например, первой трети XIX в. — на материале пушкинских текстов и его словаря?» [49, 78]

Анализируя изучение языка писателя, Ю.Н. Караулов приходит к выводу, что оно не отвечает в полной мере задачам изучения языковой личности, так как язык писателя обладает следующими особенностями:

- Прежде всего, язык писателя отличает «множественность»: из своего лексикона он творит множество личностей, создавая их с разным характером и речевой характеристикой;

- С другой стороны, писателю свойственны инновации, неологизмы, словотворчество, - все это, будучи чертой его индивидуально-авторского стиля, мало отражает черты языковой личности как инварианта.

Г.И. Богин говорит о языковой личности как о структуре, для которой язык является субстратом. Язык является основой единства языковой личности — основываясь на выборе того или иного средства, человек формирует свою языковую личность. Однако языковая личность не тождественна языку, и в ее структуре нельзя выделять те же самые уровни, что и в языке [16, 29].

Те возможности, которые присутствуют в языке в качестве опции, в структуру личности могут входить в качестве ее фундаментальных и существенных черт. Так, еще Фердинанд де Соссюр говорил о концентрации существенного в языке и несущественного в речи. Это проявляется и в языковой личности: те компоненты, которые в языке могут не представлять

особенного значения и находится на периферии, в одной отдельно взятой личности могут приобретать большое значение.

При этом языковая личность встроена в контекст постоянного оценочного взаимодействия: данный индивидуум оценивает другие личности и, в свою очередь, подвергается оценке с их стороны.

Оценка может касаться как субстрата языковой личности, так и ее структуры. В частности, один человек может оценивать речь другого в категориях «правильно / неправильно», «нравится / не нравится» и пр. Для понимания верности этой оценки необходимо сопоставить ее с личностью самого оценивающего: насколько он имеет право говорить о степени знания данным человеком данного языка.

Так, языковая личность может отличаться незнанием необходимых языковых единиц: это может быть свойственно ребенку, иностранцу, даже обычному среднему носителю языка, который не владеет им в достаточной мере. Этот уровень языковой личности можно назвать уровнем правильности или неправильности.

Уровень интериоризации предполагает, что речь оценивается по принципу «богатая / бедная» - имеется в виду словарный запас индивида, наличие в его речи разнообразной лексики.

Уровень насыщенности подразумевает использование адекватных и уместных средств выражения своей мысли.

Уровень адекватного выбора подразумевает, что человек использует языковые единицы, когерентные ситуации – например, не прибегает к использованию слишком высокого или слишком низкого стиля.

Наконец, уровень адекватного синтеза предполагает соединение всех перечисленных выше уровней вместе.

«Совокупность языковых наблюдений показывает, что языковая личность (1) овладев принятыми в обществе высокочастотными средствами прямой номинации, переходит к (2) интериоризации речи, что открывает ей путь к (3) лексико-грамматическому многознанию, и далее, к (4)

своеобразной свободе в выборе средств выражения из множества потенциальных субституентов» [16, 9].

Соответственно, языковая личность возникает на пересечении трех систем координат:

1. Уровней языка

Картина уровней и ярусов языка, разработанная представителями Московской Фонологической школы [72, 114], предполагает наличие в языке следующей структуры:

Между основными уровнями – фонетикой, морфологией, лексикой и синтаксисом – находятся ярусы, которые представляют собой нечто промежуточное. Так, морфонология занимается чередованиями, входящими в компетенцию как фонетики, так и морфологии. Словообразование показывает переход от морфем к словам, а словосочетания являются промежуточной ступенью на пути от слова к предложению. Высший ярус, ярус текста предполагает изучение некоего целого, которое возникает в результате соединения нескольких предложений.

2. Далее, существуют различные виды речевой деятельности, также определяющие поведение определенной языковой личности, - говорение, чтение, слушание и письмо.

Термином «деятельность» в психологии называются любые активные действия: не только, к примеру, физическая работа, но и работа умственная, осмысление, освоение, размышление и пр. Любой человек практически постоянно занят той или иной деятельностью. «Деятельность – это процесс активного отношения человека к действительности в ходе которого происходит достижение субъектом поставленных ранее целей, удовлетворение разнообразных потребностей и освоение общественного опыта. В деятельности проявляются, а также, согласно С. Л. Рубинштейну, формируются и развиваются человек и его психика. Введение категории деятельности в психологию изменило представление о психическом как уникальном, специфическом явлении, имеющем статус эпифеномена. Анализ

деятельности и особенностей ее влияния на психику позволил по-иному подойти к вопросам исследования психического. Последнее стало рассматриваться и как результат (психический образ, умение, состояние, чувство и др.), и как процесс» [72, 86].

3. Оценка владения средствами того или иного уровня в том или ином виде речевой деятельности.

Пересечение этих трех параметров позволяет построить трехмерную модель языковой личности, включающей в себя следующие параметры:

- 1) Дробность вычленения подъязыков;
- 2) Коммуникативное использование нужного подъязыка;
- 3) Риторическое использование нужного подъязыка;
- 4) Умение различать виды словесности;
- 5) Коммуникативное использование вида словесности;
- 6) Риторическое использование вида словесности;
- 7) Экспликационность и импликационность.

Импликация – это термин, подразумевающий умолчание информации в тексте, с тем, чтобы адресат догадался сам. «Этот термин изначально не лингвистический. Он идет из логики, где импликация определяется как логическая связка, отражаемая в языке союзом «если... то» и формализуемая как $A \rightarrow B$, т.е. А влечет за собой Б. В тексте это может соответствовать выраженности обоих компонентов: антецедента А и консеквента Б или только консеквента. Стилистика занимается вторым типом организации контекста с имплицитной информацией. Импликация в широком смысле есть наличие в тексте вербально не выраженных, но угадываемых адресатом смыслов. Сюда относятся подтекст, эллипс, аллюзия, семантическое осложнение и собственно текстовая импликация» [2, 94].

В данной работе вслед за подходом И.В. Арнольд под импликацией будет пониматься использование не выраженной словесно, но понятной читателю (адресату) информации, которое может проявляться в виде эллипсиса, аллюзии и подтекста.

Эллипсис предполагает опущение в предложении одного из главных членов, который подразумевается исходя из предыдущего контекста – таким образом обеспечивается связь новой мысли с уже высказанным или написанным.

Подтекст подразумевает использование общей апперцепционной базы адресата и адресанта. Если рассматривать текст как дискурс, то есть не только его словесную составляющую, а различные экстралингвистические факторы, то общей апперцепционной базой называется фоновое знание, общее для адресата и адресанта. Дискурс – это речевое общение в комплексе различных факторов. В частности, к дискурсу относится контекст и конситуация, предыдущие акты общения тех же двух коммуникантов, различные прецедентные феномены и общая апперцепционная база двух общающихся людей.

В дискурсе проявляет себя языковая личность, которая имеет многоуровневую структуру и проявляет себя в зависимости от коммуникативных, прагматических и когнитивных установок каждой отдельно взятой ситуации.

Типичные формы дискурса, сформированные в речевой практике данного общества, принято называть институциональным дискурсом. Это могут быть различные типовые ситуации общения, характерные для того или иного вида межличностного взаимодействия. Таким образом, общей апперцепционной базой двух собеседников могут быть знания, почерпнутые ими из предыдущих диалогов (в которых не участвовал, например, третий собеседник, и в силу этого он ничего не понимает), либо знание о ситуации как таковой. В каждой стране и у каждого народа существуют свои традиции и обычаи общения и этики. И хотя в мире постепенно складывается определенный стандарт межличностных контактов, существуют заметные различия в степени открытости, в степени самостоятельности представления и мере их ответственности. Участники международного общения придерживаются единых норм и правил, тем не менее, национальные и

культурные особенности могут оказаться весьма значительными, например, при деловых отношениях.

Современный говорящий человек существует в условиях взаимопроникновения культур, он вступает в межкультурную коммуникацию – общается с представителями других языков и культур в письменной, устной, электронной форме и зачастую вынужден преодолевать некоторые барьеры в общении, возникающие из-за разницы культур.

В итоге, уникальная языковая личность возникает на пересечении всех этих параметров.

Глава 2. Описание речевого портрета лирического героя в стихотворениях Веры Полозковой

2.1. Веры Полозкова как современная поэтесса.

Поэзия Веры Полозковой – ответ вызовам современности: не случайно она так популярна у молодежи. Модель ее речевого портрета учитывает особенности современного сознания и лингвистического ландшафта.

В.В. Красных объединяет различные факторы развития языковой личности в термин “*homo loquens*” («человек говорящий») по аналогии с «человеком разумным». Данный термин подразумевает носителя данного языка, данного мировоззрения и данных речевых особенностей в момент совершения им коммуникативного акта. В.В. Красных выделяет три ипостаси «человека говорящего»:

Языковая личность – совокупность черт данного человека как носителя конкретного мировоззрения, *речевая* активизирует его тактику ведения разговора и порождения письменных текстов, а *коммуникативная* представляет его как участника данного конкретного акта общения [58, 51].

Современное общество переживает новый этап в развитии массовой коммуникации: инфообщество. Интернет, широко распространившийся всего

за два-три десятилетия, влияет на все сферы жизни людей, в том числе и на политику. Сетевые технологии изменяют жизнь каждого человека, постепенно меняют формат его взаимодействия с обществом, с государством. Наблюдается высокая динамика включения граждан в освоение информационного пространства.

Массовая коммуникация зависит от состояния среды, в которой живет общество, и в современном информационном обществе традиционные технологии коммуникации соседствуют с современными. При этом интернет осваивается неравномерно, в разных странах и в разных регионах одной и той же страны наблюдаются различные темпы в освоении сетевых технологий.

Интернет сегодня называют «глобальной деревней»: любое событие комментируется, обсуждается, в комментариях происходят целые дискуссии. Люди, помещающие новости на сайтах или записи в блогах, сами провоцируют этот эффект интерактивности, открывая опцию оставления комментариев. После «века телевидения», когда информацию можно было только потреблять, впервые появилась возможность ее создавать.

На изменение речевого портрета современного человека влияют, прежде всего, внешние факторы: появление нового типа СМИ (интернета) и повсеместное его использование. Вера Полозкова «продвигала» себя через интернет, социальные сети, и ее типичный читатель – современный человек, постоянный пользователь интернета.

Активная деятельность Веры Полозковой (блог, распространение её стихов и фотографий) превратила её в знаменитую личность. Она стала одним из самых популярных авторов стихов современности.

Объясняя причины своей симпатии к творчеству поэтессы и к ней самой, поклонники нередко говорят о широком спектре тем для стихотворений. Но если изучать её стихи более детально и в количестве более двух-трёх штук, можно уловить одно: безысходность. Она проявляется по-разному: на фоне депрессии ("И катись бутылкой по автостраде -

Оглушённой, пластиковой, простой") или же в более динамичном темпе ("Так и гладишь карманы, чтобы нащупать кольт, Чтоб, когда он приедет, было, чем угоститься"), но она очевидна.

Каждый ее текст — предельная концентрация мысли, квинтэссенция переживания. Она виртуозно владеет рифмой, ее поэтическая речь легка и естественна. Кажется, она способна рассказать в стихах всё, что угодно. Её стихи — неоскудевающий поток строчек, управлять которым ничего не стоит.

Поэзия Веры Полозковой очень близка читателям 21 века, потому что в лирическом героине ее стихотворений абсолютно каждый может найти то, что отражают его мысли и душевные переживания на сегодняшний день. Она пишет легко и просто, от этого читать ее произведения не составляет особого труда. В ее стихах отражаются разные темы: одиночество, любовные драмы, ирония на современную действительность, поиски счастья и жизненного пути,

Для структурирования и описания речевого портрета лирического героя в стихотворениях Веры Полозковой необходимо опираться на следующие языковые факторы:

- фонетические средства выразительности;
- морфологические средства выразительности;
- лексические средства выразительности;
- синтаксические средства выразительности;
- отсылка к прецедентным ситуациям.

2.2. Речевой портрет лирического героя в стихотворениях Веры Полозковой

Для описания речевого портрета лирического героя в стихотворениях Веры Полозковой Мы проанализировали ее первый сборник стихов «Непоэмание», в который вошло 114 стихотворений. Книгу поэтесса написала еще в 15 лет, но в 2008 году сборник был переиздан и дополнен уже

взрослыми мыслями, состоявшейся женщины. Поэтесса переосмысливает подростковые переживания будучи уже взрослым человеком. Тем самым Мы можем рассмотреть речевой портрет лирического героя в период формирования личности и увидеть самоанализ героя своих чувств и мыслей.

Вера Полозкова прибегает к фонетическим, морфологическим, лексическим и синтаксическим средствам формирования речевого портрета: к фонетическим следует отнести слияние и разделение слов в целях формирования рифмы, к морфологическим – частое использование определенных частей речи в стихотворении и словотворчество по аналогии, к лексическим- создание неологизмов и окказионализмов, использование сленга, к синтаксическим- использование сложных конструкций, инверсия, риторические вопросы. К средствам воздействия на читателя также следует отнести обращение к различным прецедентным феноменам, которые формируют восприятие автора как «своего», близкого читателю.

В стихотворениях Веры Полозковой используются фонетические средства выразительности: соединение или разбиение слов в целях создания рифмы:

Хоть неприлично смешивать **кантату с**
Частушками – мораль позволю тут:
С годами мной приобретется **статус**

(«Жреческое»)

Здесь кавказцы твердят **всегда о**
Том, что встречи хотят со мной.
У меня на плече иероглиф «**Дао**»,
Нарисованный черной хной.

(«Наскальное»)

«Все монеты – в море. Чтоб не пропить» -
И швыряют **горстями из**
Дранных сумок деньги. И стало быть –
Вы приехали в **Симеиз**.

(«Наскальное»)

Медленно, длинно,
Словно он **сам – за**,
В панцирь хитина
Бросят **вонзаться**
(Вот бы хребтину
Перегрызать за!..)
Яблоко в спину
Грегора **Замзы**.

(«Францу Кафке»)

Мимо тех, кому лжем,
Шефу, маме ли, **Кате ли –**
Перочинным ножом
Сквозь **металлоискатели**

(«Тринадцать строф»)

Часто фонетическая близость слов используется как основа художественного образа:

«Любовь» - как «обувь», не замечал?

И лучше ходить босым.

(«Без всяких брошенных невзначай...»)

Поэтесса часто употребляет в своих стихотворениях аллитерацию и ассонанс. Примеры ассонанса:

Двинуть к морю до холодов.
Я хочу быть такой свободной,
Чтобы не оставлять следов.
Наблюдая, как чем-то броским
Мажет выпуклый глаз заря,
Я хочу быть немного Бродским –
Ни единого слова зря.

(« Наскальное»)

Ты ему дышишь в шею, едва осмелясь,
А в голове отточенным хуком в челюсть
Складываешь бесшумно к своим ногам.

(« Очень спокойно, мелочью не гремя...»)

Примеры аллитерации:

- Дорогой Господь!
Дай такого мне,
Чтобы был свиреп,
Был как небоскреб,
Чтобы в горле рэп,
А во взгляде стеб,
Чтоб слепил глаза,
Будто жестяной;
Чтоб за ним как за
Каменной стеной;
Туже чтоб ремней,
Крепче, чем броня:
Чтобы был умней
И сильнее меня...

(« Суженое-ряженое»)

Целуемся хищно
И думаем вещно;
Внутри меня лично
Ты будешь жить вечно...

(« Сиамские близнецы»)

С морфологической точки зрения в глаза бросается тот факт, что практически все тексты Веры Полозковой написаны от первого лица, в формах глагола на «я»:

Что-то верно сломалось в мире,

Боги перевели часы.
Я живу у тебя в квартире
И встаю на твои весы.
Разговоры пусты и мелки.
Взгляды - будто удары в пах.
Я молюсь на твои тарелки
И кормлю твоих черепах.
Твои люди звонками пилят
Тишину. Иногда и в ночь.
Ты умеешь смотреть навывлет.
Я смотрю на тебя точь-в-точь,
Как вслед Ною глядели звери,
Не допущенные к Ковчег.
Я останусь сидеть у двери.
Ты уедешь на саундчек...

(«Жреческое»)

Я твой щен: **я скулю, я тычусь** в плечо незряче,
Рвусь на звук поцелуя, тембр – что мглы бездонней;
Я твой глупый пингвин – я робко **прячу**
Свое тело в утесах теплых твоих ладоней;

(« Просыпаешься- а в груди горячо и густо»)

Зачастую состояние героини передается с помощью наречий:

Словно догадка
Вздрагнет невольно –
Как же мне сладко.
Как же мне больно.
Как лихорадка –
Тайно, подпольно –
Больно и сладко,
Сладко и больно,

**Бритвенно, гладко,
Хватит, довольно –
Больно и сладко,
Сладко и больно.**

Мертвая хватка.
К стенке. Двуствольно.
Было так сладко.
Стало
Так
Больно...

(«Жреческое»)

Целуемся **хищно**
И думаем **вещно**;
Внутри меня **лично**
Ты будешь жить **вечно**,

(«Сиамские близнецы»)

Вера Полозкова активно пользуется морфологическими средствами для создания неологизмов:

Так и буду одна стоять,
Оседая внутри клубами.
Память – это глагол на «ять».
Памю. Памяли. Памишь. Пами.

(«Спецагенты»)

Речь пряна и **альма-матерна** – по уму.
Покурят – и по редакциям: сеять смуту
В людских головах. Заглядываешь – в минуту
Друзья тебя топят в едком густом дыму.

(«Журфак»)

Окказионализмы могут включать в себя и варваризмы:

- Рассказать ему? – Бровь насупит.

Да и делать-то будешь что потом?

- А исчезнуть? Как он поступит?

- Не умрет. Все приходит с опытом.

- А не любит? – Ну значит – **спероemanieupid**,

Пусть тогда пропадает пропадом.

(«Суженое-ряженое»)

Туда же, все с той же бирочкой на руке.

Я думала: я ворвусь и скажу: **porque?!..**

(«А где я? Я дома, в коме, зиме и яме...»)

Как ты там, солнце, с кем ты там, воздух тепел,

Много ли думал, видел, не все ли пропил,

Сыплется ли к ногам твоим терпкий пепел,

Вьется у губ, щекочет тебе ноздрю?

Сыплется? – ну так вот, это я курю,

Прямо под джаз, в такт этому октябрю,

Фильтром сжигая пальцы себе, - uh, damn ipероemanie! –

Вот, я курю,

Люблю тебя,

Говорю –

И ни черта не знаю,

Что с этим делать.

(«Бабочкино»)

В текстах Веры Полозковой постоянно встречаются отсылки к конкретным прецедентам: местам, где побывала поэтесса, именам писателей и литературных героев, различным фильмам и крылатым фразам:

Сумасшествием дышит ветер –

Честно, в городе карантин:

Здесь, наверное, каждый третий –

Из **Кустурицевых** картин.
Всяк разморен и позитивен.
Джа здесь смотрит из каждого глаз –
По полтиннику мятых гривен
Стоит правильный ганджубас.
Улыбаются; в драных тапках
Покоряют отвесный склон.
И девицы в цветастых шапках
Стонут что-то про **Бабилон**.

(«Наскальное»)

А где я? Я дома, в коме, зиме и яме.

Мурлыкаю в ванной медленно **Only you**,

(«А где я? Я дома, в коме, зиме и яме...»)

В трубке грохот дороги, смех,
«Я соскучился», **Бьорк**, метель.

(«Обстановочка»)

Моргать – мерить кадры веками: вот, смотри.
Улыбкой пугать как вспышкой; жить просто ради
Момент, когда зажгутся на балюстраде
Магические, **как в Хогвартсе**, фонари.

(«Журфак»)

Для создания образа запутанной в своих мыслях и чувствах женщины с разбитым сердцем, поэтесса использует сложные синтаксические конструкции:

Мы влываем друг другу в сны иногда – акулами,
Долгим боком, пучинным облаком, плавниками,
Донным мраком, лежащим на глубине веками,
Он таскает, как камни, мысли свои под скулами,
Перекатывает желваками,
Он вращает меня на пальце, как в колесе, в кольце –

Как жемчужину обволакивает моллюск,
Смотрит; взгляд рикошетит в заднего вида зеркальце,
На которое я молюсь;
Это зеркальце льет квадратной гортанной полостью
Его блюзовое молчание, в альфа-ритме.

(« Автоответчик»)

От Вас внутри такое детство, такая солнечность и близь – Вам никуда теперь не деться, коль скоро Вы уже нашлись. Вы в курсе новостей и правил и списка действующих лиц: любимый мой меня оставил, а два приятеля спились, я не сдаю хвостов и сессий, и мне не хочется сдавать, я лучше буду, как Тиресий, вещать, взобравшись на кровать; с святой наивностью чукотской и умилением внутри приходят sms Чуковской, и я пускаю пузыри, а вот ухмылка друга Града, подстриженного как морпех

–

вот, в целом, вся моя отрада, и гонорар мой, и успех.

(« Письмо далекому другу»)

М.М. Бахтин писал, что «наша жизненно-практическая речь полна чужих слов: с одними мы совершенно сливаем свой голос, забывая, чьи они, другими мы подкрепляем свои слова, воспринимая их как авторитетные для нас, третьи, наконец, мы населяем своими собственными чуждыми или враждебными им устремлениями» [3, 67].

Далее, центром поэтики лирических произведений являются средства создания героя. Автор и герой лирики находятся в сложных отношениях, описать которые удобнее всего с использованием термина, придуманного М.М. Бахтиным, - «полифония». Поэтому лирический герой в стихотворениях Веры Полозковой вступает в диалог с самим собой, автором и читателем. Чтоб подчеркнуть полифоническую структуру своих произведений, поэтесса использует риторические вопросы и обращения.

Примеры риторических вопросов:

Деточка, зачем тебе это всё?

Поезжай на юг, почитай Басё,
Поучись общаться, не матерясь –
От тебя же грязь.

Деточка, зачем тебе эти все?
Прекрати ладони лизать попсе,
Не питайся славой, как паразит –
От тебя разит.

Деточка, зачем тебе ты-то вся?
Поживи-ка, в зеркало не кося.
С птичкой за окном, с чаем с имбирем.
Все равно умрем.

(« Автоответчик»)

Милый мальчик, когда мы стали такими злыми?..

Почему у нас вместо сердца пустой конвейер?..

Я пойду покупать обратный билет до ада плюс
Винограду, черешни, персиков; поднатужась
Я здесь смою, забуду, выдохну этот ужас.

...Милый мальчик, с какого дня я тебе не надоблюсь?

Это мой не-надо-блюз.

(« Одесское»)

Примеры обращения:

Здравствуйте, Вера. Новых входящих писем
Не обнаружено в Вашем почтовом ящике.

(«Жреческое»)

Раз заходит к Вере в сквер
Юный Костя-пионер
И так молвит нежно: - **Вер,** -
Ей рукавчик беребя, -
Не грусти, убей себя.
Хочешь, я достану, **Вер,**

Смит-и-вессон револьвер?

Хочешь вот, веревки эти?

Или мыло? Или нож?

(«Проебол»)

Следует отметить, что автор в стихотворениях очень часто обращается к самому себе, это означает, что лирический герой находится в сложных отношениях со своим внутренним миром и постоянно рефлексировать.

Лирический герой одинок, он строит у себя в голове внутренние монологи и диалоги с невидимым слушателем.

Помимо прямых и урезанных цитат в любом тексте могут использоваться отсылки к общей апперцепционной базе: упоминание прецедентных феноменов, текстов. Это видоизмененные или дополненные названия фильмов, книг, пословицы, выражения из известных текстов. Такие упоминания являются сигналом, помогающий читателю почувствовать единство с авторами: «я тоже понимаю эти слова! я тоже это помню!».

Можно выделить несколько сфер, к которым относятся прецедентные феномены. Прецедентные феномены бывают 4-х типов. Это прецедентная ситуация: «некая «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу; означаящим прецедентных ситуаций могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя» [9, 47]. Прецедентный текст – «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [9, 47]. Прецедентное высказывание – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое» [9,47].

Можно также разделить прецедентные имена и тексты по принципу

цитирования в тексте: это может быть прямое или скрытое цитирование. Прямые цитаты в тексте закавычены и снабжены ссылками на источник и в большинстве случаев не являются прецедентными феноменами, так как легко идентифицируемый феномен не нуждается в цитировании.

Аллюзией называется прием в тексте, намекающий на какую-то общеизвестную информацию, на факт или наименование, которое предполагается знакомым читателю. Автор как бы вступает в своеобразную игру с читателем текста, упоминая то, что знакомо им обоим и может вызвать какие-то ассоциации.

Аллюзия является не только средством намека, связывания между собой двух произведений. Благодаря аллюзии те или иные понятия могут наполняться новым смыслом: так, например, какие-то античные понятия могут приобретать новое наполнение в более поздней европейской литературе.

Современное понимание аллюзий учитывает понятие интертекста. Так, например, А.С. Черняева понимает аллюзию как «заимствование некоего элемента из инородного текста, служащее отсылкой к тексту-источнику, являющееся знаком ситуации, функционирующее как средство для отождествления определенных фиксированных характеристик. Аллюзия, таким образом, является интертекстом, элементом существующего текста, включаемым в создаваемый текст» [18, 12].

Более поздние тексты – произведения эпохи постмодернизма постоянно используют аллюзии, более того, они практически из них состоят. Можно говорить о развитии понятия аллюзии в литературоведении: от намека на то или иное понятие до ведущего приема в образовании текста.

Таким образом, из-за обилия отсылок к другим текстам прецедентный феномен в тексте сократился до намека, так называемого культурного кода.

Прецедентные феномены можно классифицировать по двум основным признакам: источник прецедентного имени или феномена и его использование в цитирующем тексте. В речи Полозковой упоминаются герои

фильмов, современные поп-певцы, писатели и герои литературы, включающие в себя «культурный код» эпохи:

Масть Кинг-Конгова; дыбом шерсть.

Что нам до Оскара,

Мы – счет веков с кого;

До Владимира Маяковского

Мне – всего сантиметров шесть.

Царь? Так живи один, не калечь ребят.

Негде? Так ты прописан-то сразу в Вечность.

Вот удивится тот, кто отправит в печь нас:

Памятники! Смеются! И не горят!..

(«Первой истошной паникой по утрам...»)

В этом отрывке присутствуют отсылки к Пушкину: «ты царь, живи один», к Маяковскому, Булгакову («рукописи не горят») – и в то же время к современным реалиям – Оскару, Кинг-Конгу.

Я Дориан Грей, наверное – я старею

Каким-нибудь тихим сквериком у воды,

А зеркало не фиксирует изменений.

(«Ноябрьское»)

В этом стихотворении поэтесса упоминает известного героя романа Оскара Уайльда «Дориан Грей» и его историю о расхождении внешних изменений и внутренних.

Я бы стала непобедимая, словно рать

Грозных роботов, даже тех, что в приставке **Денди**.

Мы летали бы над землей – **Питер Пэн и Венди**.

Только ты, дурачок, не хочешь со мной играть.

(«Детское»)

Автор, чтобы вернуть своего лирического героя в юные годы использует прецедентные феномены, связанные с детскими воспоминаниями: игровую приставку и любимых героев детских сказок.

Тексты Полозковой насквозь интертекстуальны. Проблема интертекстуальности в современной науке основывается на понимании процесса развития текстов, приращения информации как постоянного взаимодействия текстов, в результате которого каждое новое произведение определенным образом усваивает и перерабатывает предшествующий литературный и культурный материал в тех или иных формах, а задачей интертекстуального анализа является нахождение этих следов «чужого слова» в произведении и выявление их функционального значения.

В самом общем значении термин «интертекстуальность» подразумевает наличие межтекстовых связей, в состав которых входят не только бессознательная и автоматическая цитация, но и направленные, осмысленные отсылки к предшествующим текстам и литературным фактам.

Интертекст включается в произведение различными способами. К ним следует отнести:

- 1) прямое цитирование;
- 2) аллюзии;
- 3) использование прецедентных феноменов и идей.

Примеры интертекстуальности в стихотворениях Веры Полозковой:

Я лунатик – **сонаты Людвига.**

Да хранит тебя Бог от боли, от зверя лютого,
От недоброго глаза и полевого лютика –
Иногда так и щиплет в горле от «я люблю тебя»,
Еле слышно произносимого – в одиночестве.

(«Лунная соната»)

Мы идем к остановке утром, закутав глухо
Лица в воротники, как сонные дуэлянты.
Воздух пьется абсентом – крут, обжигает ноздри
И не стоит ни цента нам, молодым легендам
(Рока?); Бог рассыпает едкий густой аргентум,
Мы идем к остановке, словно **Пилат с Га-Ноцри,**

Вдоль по лунной дороге, смешанной с реагентом.

(«Одно утро»)

В произведениях Веры Полозковой героини часто прибегают к использованию сленга, что позволяет судить не только о конструируемой ими оценке других людей, но и о них самих: использование ими сленга в повседневной речи формирует негативный образ других людей и позволяет представить их самих.

А факт безжалостен и жуток, как наведенный арбалет: приплыли, через
трое

суток мне стукнет ровно двадцать лет.

И это **нехреновый возраст** – такой, что Господи прости. Вы извините за нервозность – но я в истерике почти. Сейчас пойдут плясать вприсядку и петь, бокалами звеня: но жизнь у третьего десятка отнюдь не радует
меня.

Не то[ркает].

(«Стишище»)

Город носит в седой немытой башке гирлянды

И гундит недовольно, как пожилая шлюха,

Взгромоздившись на барный стул; и все шепчут: глянь ты!

(«Одно утро»)

Раз ты вода - так догони меня и **осаль**, но

Эй, без **сальностей!** - пусть потери и колоссальны,

Мы, игрушечные солдаты, универсальны.

Пока не умираем, выхрипев "отпусти".

(«Игры»)

Вера Полозкова – один из самых ярких, самобытных и интересных авторов современности. Она задействует в своем творчестве новейшие технологии: так, ее стихи получили распространение и популярность в сети, пользователи делились ими и использовали цитаты из них в своих пабликах и

на стенах.

Устанешь быть лирическим героем -
Так просто пообедать заходи.

(«Паема»)

В целом, ты уже точно смертница, с решетом-то таким в груди.
Но внутри еще что-то сердится. Значит, все еще впереди.

(«Визг»)

Выйдет к микрофону, буркнет
Что-нибудь — и зал в огне.
Приходи же, Ваня Ургант,
И скорей женись на мне.

(Цитата из Twitter Веры Полозковой)

Проанализировав речевой портрет лирического героя в стихотворениях Веры Полозковой, мы сделали вывод, что внутреннее состояние героини сложное и противоречивое.. То он теряет надежду и веру , то наоборот переживает душевный подъем. Поэтесса для создания образа героини использует различные фигуры речи и тропы на всех уровнях языка. Тональность сборника « Непоземание» лирическая, грустная. Настроение героини негативное по отношению к окружающему миру. Несмотря, на все жизненные трудности персонажи ее стихотворений не теряют надежды на изменения своей жизни в лучшую сторону, им не чужда самоирония. Наверное, поэтому стихотворения Веры Полозковой так близки нам, читателям 21 века. Благодаря такому автору многие люди не забывают о том, что в этом мире еще есть поэзия, которая может передавать их мысли и чувства.

3. Методическая разработка элективного курса «Речевой портрет»

3.1. Программа элективного курса

Тексты Веры Полозковой интересны современным молодым людям и людям зрелого возраста, это «не школьные» тексты. В разработке элективного курса необходимо учитывать особенности современного образования. Мы разработали материалы элективного курса для 9 классов.

Необходимо проводить в жизнь новую систему обучения-развлечения – *educainment!* теперь цена информации не так высока, как цена навыков. Человек, который «знает, как», более важен, чем тот, который знает «что». Мы можем повсюду использовать интернет-поиск. Не так важно знать исторические события и сложную информацию, потому что вы можете просто ее погуглить. Так что в будущем цена информации будет невысока, будет важнее знать, как применить эту информацию в повседневной жизни и в работе.

Феномен пожизненного образования появился в последние двадцать лет, и оно все больше и больше распространяется. Оно предполагает, что никогда не слишком рано и не слишком поздно учиться», философия, уходящая корнями в такую организацию, как Департамент Правительства Британии по Образованию и Навыкам.

Пожизненное образование обеспечивает граждан возможностью учиться в любом возрасте и во множестве контекстов: на работе, дома и во время отдыха, не только формальным образом, как в школе или в вузах.

В последние годы в истории образования появился новый термин для названия феномена пожизненного образования. Это «андрагогия».

Важнее отношение к пожизненному образованию: человек должен быть открыт новым идеям, решениям, навыкам, поведению. Пожизненное образование отбрасывает мысль о том, что «старую собаку не научишь

новым трюкам».

Оно также называется «образованием для взрослых» как практика обучения и образования взрослых. Это часто происходит на рабочем месте или с помощью «погружения» или «продолжения уроков» в школах, колледжах или университетах. Эта практика часто называется «тренинги и развитие».

Обучение взрослых отличается от обучения детей. Одно из самых значительных различий – в том, что взрослые накопили знания и опыт, который может добавить ценности обучению или дезавуировать его. Так что мир становится миром постоянного образования.

В элективный курс для 9 класса представляется целесообразным включить следующие темы:

1. Индивидуальный авторский стиль. Особенности идиостиля.
2. Средства создания речевого портрета.
3. Речевой портрет современного поэта – какой он?
4. Фонетические особенности речи современного поэта.
5. Морфологические особенности речи современного поэта.
6. Лексические особенности речи современного поэта.
7. Ссылка на прецедентные феномены и аллюзии.
8. Лирический герой. В чем разница между автором и лирическим героем. Речевая характеристика.

3.2. Описание опыта внедрения программы

Опыт анализа стихотворений Веры Полозковой был внедрен в практику преподавания современной литературы в школе в качестве элективного курса. Поскольку тексты поэта получили широкое распространение через сеть, учащиеся сделали для себя выводы не только о тех особенностях творчества поэта, которые обсуждались в ходе анализа стихотворения, но и о

распространенности кибертехнологий в современном мире.

Целями разработанного курса для школьников является формирование у детей внимания к лингвистическим средствам создания речевого портрета и его изменчивости и через этот анализ подвести учеников к выявлению речевых особенностей современного поэта.

Задачи данного элективного курса можно сформулировать следующим образом:

- (1) ознакомиться со структурой языка, иерархически организованной системой уровней и ярусов;
- (2) рассмотреть проявления особенностей речевого портрета на различных уровнях языка;
- (3) проанализировать общую апперцепционную базу говорящего и его аудитории;
- (4) показать те прецедентные феномены, на которые автор опирается в ходе формирования базового доверия аудитории и общего языка.

Назначение курса – знакомство с терминологическим аппаратом, позволяющим сформировать первичное представление о речевом портрете и средствах его создания. Навыки, полученные в ходе анализа текстов Веры Полозковой, в дальнейшем ученики смогут экстраполировать на других авторов.

Актуальность такого курса определяется необходимостью анализировать тексты современной литературы не только в литературном, но и в лингвистическом ключе, с применением анализа по языковым уровням, что позволит говорить о глубоком понимании работы автора над текстом и используемых им средств художественной выразительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вера Полозкова – один из самых ярких, самобытных и интересных авторов современности. Она задействует в своем творчестве новейшие технологии: так, ее стихи получили распространение и популярность в сети, пользователи делились ими и использовали цитаты из них. Расширение временной части хронотопа ее поэзии достигается за счет так называемой интермедиальности – смешения в произведении различных видов искусства.

Помимо полифонической структуры лирики речевому портрету Веры Полозковой помогает его речевая характеристика. Подобно тому, как автор переосмысливает и воплощает в виде героя своего произведения конкретного человека с конкретной биографией, судьбой, так и сам автор может подвергаться переосмыслению на страницах своей же лирики.

Вера Полозкова прибегает к фонетическим, морфологическим, лексическим и синтаксическим средствам формирования речевого портрета: к фонетическим следует отнести слияние и разделение слов в целях формирования рифмы, аллитерацию и ассонанс, к морфологическим – частое использование определенных частей речи в стихотворении и словотворчество по аналогии, к лексическим – создание неологизмов и окказионализмов, использование варваризмов и частое использование сленга. К синтаксическим средствам можно отнести – сложные синтаксические конструкции, риторические вопросы и обращения, нацеленные на саморефлексию.

К средствам создания речевого портрета относятся создание прецедентных феноменов по аналогии с современной действительностью, которые формируют восприятие автора как «своего», близкого читателю.

Тексты Веры Полозковой насквозь интертекстуальны, а также включают в себя индивидуальную авторскую морфологию и лексику.

Проанализировав речевой портрет лирического героя в стихотворениях

Веры Полозковой, Мы пришли к выводу, что поэтесса пишет о мире современных женщин, в котором происходят как грустные, так и радостные события, однако во внутренних монологах ее героинь гораздо больше негатива, чем позитива. Лирический герой ее стихотворений часто думает об окружающих людях, и его мысли описаны автором с использованием негативной оценочной лексики. Во многих произведениях противопоставление воплощается с помощью иронической оценки, постоянного противопоставления позитива и негатива.

Стихи Веры Полозковой – это такое же ураганное и яркое явление, как и она сама.

Неимоверный магнетизм её обаяния и точные ритмы суждений переносятся в книгу, где каждый находит самого себя: окрылённого, расстроенного, обманутого или влюблённого.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарова О.А. Коммуникативные стратегии и тактики респондента и языковые средства их реализации в англоязычном неформальном интервью. [Текст] / О.А. Азарова. – Дисс. ... к.ф.н. – М., 2013. – 177 с.
2. Академическая грамматика русского языка. [Текст] / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – 870 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Содержательные импликации дискурса // Язык. Текст: Межвузовский научный альманах. Вып. 2 [Текст] / Под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь – ПГЛУ: Пятигорск, 2004. – С. 6–14.
4. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. [Текст] / Н.Ф. Алефиренко – Волгоград: Перемена, 1999. – 209 с.
5. Аристотель Риторика. Поэтика. [Текст] / Аристотель. – перевод М.Л. Гаспарова – СПб: Классика, 2000. – 244 с.
6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика [Текст] / Ю.Д. Апресян [Электронный ресурс] // http://genhis.philol.msu.ru/article_67.shtml
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. [Текст] / Н.Д. Арутюнова – М.: АСТ, 1999. – 556 с.
8. Баранов А.Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание). [Текст] / А.Н. Баранов – М.: УРСС, 1990. – 210 с.
9. Барт Р. S/Z. – пер. Г.К. Косикова [Текст] / Барт Р. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 506 с.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. [Текст] / Бахтин М.М. – М.: Художественная литература, 1970. – 405 с.
11. Башкова И.В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике: монография. [Текст] / И.В. Башкова – Красноярск: СФУ, 2011. – 470 с.
12. Белянин В.П. Психолингвистика. [Текст] / В.П. Белянин – М.:

Флинта, 2003. – 992 с.

13. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист – перевод Мурат В.П. – М. : Эдиториал УРСС, 2009. – 453 с.

14. Блинов А.В., Богатырева И.И., Мурат В.П., Рапова Г.И. Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание» для студентов филологического факультета. [Текст] / А.В. Блинов и др. – М.: Филологический факультет МГУ, 2005. – 539 с.

15. Блумфилд Л. Язык. [Текст] / Л. Блумфилд – пер. Г.И. Раповой и Е.С. Кубряковой – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 643 с.

16. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. [Текст] / Г.И. Богин. – Дисс. ... д.ф.н. – Л., 1984. – 388 с.

17. Вагапова Д.Х. Риторика в интеллектуальных играх и тренингах. [Текст] / Д.Х. Вагапова. – М.: Цитадель, 1999. – 211 с.

18. Василик М.А. Основы теории коммуникации. [Текст] / М.А. Василик – М.: Гардарики, 2003. – 553 с.

19. Волков А.А. Курс русской риторики. [Текст] / А.А. Волков – М.: Изд-во храма св.муч. Татианы, 2001. – 422 с.

20. Волков А.А. Печатная словесность и массовая коммуникация [Текст] / А.А. Волков [Электронный ресурс] // http://genhis.philol.msu.ru/article_42.shtml

21. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание. [Текст] / М.Н. Володина – М.: издательство МГУ, 2008. – 321 с.

22. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. [Текст] / Е.М. Вольф. – М.: АСТ, 2002. – 303 с.

23. Вьюжек Т. Логические игры, тесты, упражнения. Память, внимание, интеллект, перевод Д. Воронина. [Текст] / Т. Вьюжек, Д. Воронин. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – 304 с.

24. Гак В.Г. Проблемы лексико-грамматической организации

предложения. [Текст] / В.Г. Гак – М.: АСТ, 1968. – 432 с.

25. Гак В.Г. Языковые преобразования. [Текст] / В.Г. Гак – М.: Аспект Пресс, 1998. – 298 с.

26. Гершун М.В. Социальная реклама как коммуникативный инструмент государственного управления. – Автореферат дисс. канд.полит. наук. [Текст] / М.В. Гершун – М.: Российская академия государственной службы, 2007. – 24 с.

27. Головина Е.А. Практика интервью в работе журналиста. [Текст] / Е.А. Головина. – М.: факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 1974. – 279 с.

28. Голубева М.Г. Язык интернет-изданий // <http://lib.babr.ru/?book=3160>

29. Горин А.С. Котлячков Н.С. Оружие – слово. Оборона и нападение с помощью... [Текст] / А.С. Горин, Н.С. Котлячков – М.: КСП+, 2001. – 431 с.

30. Грайс Г. П. Логика и речевое общение [Текст] / Г.П. Грайс. – пер. А.Л. Макарова // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 217–237.

31. Гриндер Д. Бендлер Р. Наведение транс [Текст] / Д. Гриндер Р. Бендлер – перевод А.С. Степановой [Электронный ресурс] // http://www.syntone.ru/library/index.php?l2=psy_liza§ion=books&item=178¤t_book_page=6

32. Даниленко В.П. Ономазиологическое направление в истории грамматики. // Вопросы языкознания, 1988, № 3. [Текст] / отв. ред. А.А. Зализняк. – С. 48 – 67.

33. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой; [Текст] / отв. ред. В.Н. Топоров. – М. : Языки славянских культур, 2005. – С. 34 – 55.

34. Джей Э. Эффективная презентация. [Текст] / Э. Джей. – перевод

А.В. Борисова. – Минск: Амалфея, 2003. – 218 с.

35. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ [Текст] / Т.Г. Добросклонская [Электронный ресурс] // <http://www.ffl.msu.ru/nauka/publications/18>

36. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX – XX вв. [Текст] / М.Я. Дымарский – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 365 с.

37. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. [Текст] / Л. Ельмслев – пер. А.В. Блинова – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – С. 40 – 110.

38. Жаналина Л.К. Язык современной науки: Языковые портреты: учебное пособие. [Текст] / Л.К. Жаналина. – Алматы, 2010.

39. Жернакова Е.С. Концепт как предмет изучения современных гуманитарных дисциплин: методы и перспективы исследований [Текст] / Е.С. Жернакова // Актуальные вопросы внешней и внутренней лингвистики. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – с. 56 – 188.

40. Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях. [Текст] / В.А. Звегинцев – М.: Наука, 1965. – 876 с.

41. Звегинцев В. А. О цельнооформленности единиц текста [Текст] / В.А. Звегинцев // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1980. – Т. 39. – № 1. – С. 13–21.

42. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. [Текст] / А.В. Зеленщиков. – СПб: Классика, 1997. – 453 с.

43. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика. [Текст] / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: АСТ, 1998. – 986 с.

44. Золотова Н.О. Рекламный текст как вид речевого воздействия. [Текст] / Н.О. Золотова – Тверь: Филео, 1995. – 474 с.

45. Иваненко Т.И. Диалогический дискурс: теоретический статус

понятия (на примере романа У.М. Теккеря «Ярмарка тщеславия») [Текст] / Т.И. Иваненко [Электронный ресурс] // <http://e-conf.nkras.ru/konferencii/2010/lvanenko.pdf>

46. Ивлев А.А. Основы логики и аргументации. [Текст] / А.А. Ивлев. – М.: Флинта, 1992. – 450 с.

47. Карасик В.И. О категориях дискурса [Текст] / В.И. Карасик [Электронный ресурс] // <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>

48. Карасик В.И. О типах дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.

49. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. [Текст] / Ю.Н. Караулов – М.: Наука, 1987. – 774 с.

50. Кассирер Э. Сила метафоры. [Текст] / Э. Кассирер. – пер. Н.Д. Арутюновой. – М.: Вече, 1998. – 623 с.

51. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. [Текст] / В.Б. Кашкин – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 545 с.

52. Ким М.Н. Жанровая характеристика интервью. Жанры в журналистском творчестве: Материалы научно-практического семинара. / [Текст] – отв. ред. Б.Я. Мисонжников. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 47 с.

53. Киров Е.Ф. Цепь событий – дискурс/текст – концепт [Текст] / Е.Ф. Киров // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК : материалы науч. сессии фак-та ЛиМК ВолГУ. – Волгоград, апрель 2003 : сб. науч. ст. – Волгоград : Изд-во «Волгоград», 2004. – Вып. 2.– С. 29–41.

54. Клюев Е.В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция. [Текст] / Е.В. Клюев – М.: ПРИОР, 2009. – 223 с.

55. Козлова Л.А. Концепт личного пространства и способы его языковой представленности [Текст] / Л.А. Козлова // [Электронный ресурс] // altgpu.pf/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/kozlova.pdf

56. Колесникова Э.В. Слова языка. Статьи по лингвистике и

риторике. [Текст] / Э.В. Колесникова – М.: Астрель, 2003. – 665 с.

57. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дисс. ... д-ра филол наук. – [Текст] / Т.В. Кочеткова. – Саратов, 1999. – 45 с.

58. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – [Текст] / В.В. Красных. – М: Аспект Пресс, 2002. – 247 с.

59. Кубрякова Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике [Текст] / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика художественного текста : доклады VII междунар. конф. – М., 1999. – С. 186–197.

60. Лакофф Дж. Джонсон Г. Метафоры, которыми мы живем. [Текст] / Дж. Лакофф Г. Джонсон – пер. А.В. Амьянов. – М.: АСТ, 2001. – 877 с.

61. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента. [Электронный ресурс] автореф. дис. канд. филол. наук. – Саратов, 2006.

62. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 886 с.

63. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Известия Академии наук. Серия Литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № I. – С. 65 – 77.

64. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. [Текст] / М.Л. Макаров. – М.: АСТ, 2003. – 556 с.

65. Максимов М.И. Культура речи. [Текст] / М.И. Максимов. – М.: Гардарики, 2005. – 322 с.

66. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. [Текст] / В.А. Маслова – 208 с.

67. Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. [Текст] / А.К. Михальская – М.: Добросвет, 1996. – 766 с.

68. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. [Текст] / М.Ю. Олешков – Нижний Тагил: Вече, 2006.

– 554 с.

69. Основные положения МФШ // [Текст] / П.С. Кузнецов, Р.И. Аванесов и др. / [Электронный ресурс]
http://genhis.philol.msu.ru/article_202.html
70. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. [Текст] / Ю.Е. Прохоров. – М.: АСТ, 2004. – 655 с.
71. Пугачев В.П. Соловьев А.И. Введение в политологию. [Текст] / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. – М.: Полит, 2000. – 477 с.
72. Реформатский А.А. Из истории языкознания. [Текст] / Реформатский А.А. – М.: Флинта-Наука, 2013. – 432 с.
73. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. [Текст] / Ю.В. Рождественский – М.: Флинта, Наука, 1997. – 554 с.
74. Рождественский Ю.В. Блинов А.В. Введение в языкознание. [Текст] / Ю.В. Рождественский, А.В. Блинов – М.: Флинта, Наука, 2005. – 650 с.
75. Ружникова О.М. Актуализация высказываний согласия в диалогическом дискурсе: на материале современного английского языка. [Текст] / О.М. Ружникова – Дисс. ... к.ф.н. – Архангельск, 2004. – 188 с.
76. Скребнев Ю.М. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. [Текст] / Ю.М. Скребнев. – М., 1971. – 25 с.
77. Соловьева А.К. О некоторых общих вопросах диалога [Текст] / А.К. Соловьева // «Вопросы Языкознания», № 6. 1965. – С. 56 – 90.
78. Степанов Ю.С. Словарь концептов. [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Вече, 2001. – 566 с.
79. Столнейкер Р. С. Прагматика [Текст] / Р.С. Столнейкер – пер. Л.И. Бархударов // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 16: Лингвистическая прагматика. — М., 1985. — С. 419—438.
80. Структурализм: за и против. Сб. статей. [Текст] / Р.О.

Якобсон и др. – М.: Наука, 1975. – 341 с.

81. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. канд. филол. наук. [Текст] / Т.П. Тарасенко. – Краснодар, 2007. – 26 с.

82. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. [Текст] / Б.В. Томашевский – М.: Аспект Пресс, 1996. – 298 с.

Приложение

Конспект занятия по составлению речевого портрета

Дидактическая цель занятия – ознакомление с аналитическим способом рассмотрения текста.

Содержательные цели занятия:

Образовательная – знакомство с технологией анализа текста с точки зрения построения писателем своего речевого портрета.

Развивающая – создать условия для развития у учащихся рефлексивных навыков, умений анализировать художественное произведение, работать над литературоведческими понятиями, вычленять структуру текста и пользоваться возможными вариантами современного понимания текста

Воспитательная – способствовать воспитанию у школьников интереса к анализу текста; формирование через литературное произведение нравственных понятий, чувства сострадания, умения сопереживать и анализировать характеристику героев, вербализировать свои эмоции.

Тип занятия – анализ отрывка из текста.

Методы обучения: эвристический, частично-поисковый, исследовательский.

Форма обучения: фронтальная, групповая.

Средства обучения: тексты для анализа, доска, флип-чарт, проектор.

Оформление урока.

1. Схема денотатного графа
2. Схематическое изображение структуры ассоциативных связей текста стихотворения «Благовест».
3. Текст стихотворения «Благовест»:

В этой мгле ничего кромешного нет –
Лишь подлей в нее молока.
В чашке неба Господь размешивает
Капучинные облака.
В этом мае у женщин вечером
Поиск: чье ж это я ребро?
Я питаюсь копченым чечилом.
Сыр – и белое серебро.
Этот город асфальтом влагу ест
Будто кожей. А впереди
Тетя встала послушать благовест,
Что грохочет в моей груди.

Ход урока

Слово учителя. Тема сегодняшнего урока – анализ текста писателя. Какие вы знаете виды работы над текстом?

Возможные ответы. Пересказ, краткое изложение текста.

Слово учителя. Что такое изложение текста?

Возможные ответы – пересказ текста своими словами, передача главных мыслей...

Слово учителя. Необходимо ли для изложения запоминать текст целиком?

Возможные ответы – нет, изложение – это пересказ основного в тексте, выделение главных мыслей...

Слово учителя. Совершенно верно. Сегодня мы с вами рассмотрим средства создания речевого портрета в тексте стихотворения Веры Полозковой «Благовест».

Ученики знакомятся с текстом. Далее текст вывешивается на флип-

чарт с отмечанием наиболее характерных средств речевого портрета:

Слово учителя. Какие прецедентные понятия вы видите в данном тексте?

В этой мгле ничего **кромешного нет** –
Лишь подлей в нее молока.
В чашке неба Господь **размешивает**
Капучинные облака.
В этом мае у женщин вечером
Поиск: **чье ж это я ребро?**
Я питаюсь копченым **чечилом**.
Сыр – и белое серебро.
Этот город асфальтом **влагу ест**
Будто кожей. А впереди
Тетя встала послушать **благовест**,
Что грохочет в моей груди.

Возможные ответы – Отсылка к популярному напитку «капучино», к известной марке сыра «чечил», к библейской легенде об Адаме и Еве – Ева сделана Господом Богом из ребра Адама.

Слово учителя. Какие фонетические средства воздействия вы обнаружили?

Возможные ответы – Составная рифма «кромешного нет – размешивает», «влагу ест – благовест».

Слово учителя. Видите ли вы в тексте синтаксические средства воздействия?

Возможные ответы – Да, три фразы содержат в себе указания места или времени с предлогом «в»:

В чашке неба

В этом мае

в моей груди

Слово учителя. Посмотрите, как наглядно и кратко удалось представить текст и лингвистические средства формирования речевого портрета. Теперь вы точно не забудете его содержание, а наша с вами беседа позволила выяснить, какие средства формирования речевого портрета использует автор. Каков речевой портрет формирует автор?

Возможные ответы – речевой портрет современной эмоциональной женщины, знакомой с прецедентными феноменами наших дней, но не чуждой и классической культуры.

Домашнее задание. Проанализируйте ваше любимое стихотворение Веры Полозковой по аналогии с выполненным на занятии анализом.